

ТАТЬЯНА КОСЕНКО

По ту сторону вечности

Татьяна Косенко

По ту сторону вечности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24715216

ISBN 9785448536052

Аннотация

Одна из вечных тем литературы и искусства в целом – противостояние животворящего и разрушительного начал, исследование этих явлений и поиск ответов на извечные вопросы. Что есть я? Что есть окружающие меня тени и горячие, ускользающий лучи? Попыткой ответить (хотя бы для себя) на эти вопросы и является этот сборник.

Содержание

Краткое предисловие	6
По ту сторону света	9
Монолог смерти	10
Перед казнью	15
Ваше вечное лето	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

По ту сторону вечности

Татьяна Косенко

Дизайнер обложки Клод Лоррен

Иллюстратор Альбрехт Дюрер

Иллюстратор Иван Константинович Айвазовский

Иллюстратор Марианна Стокс

Иллюстратор Илья Ефимович Репин

Иллюстратор Виктор Михайлович Васнецов

Иллюстратор Дмитрий Никифорович Мартынов

Иллюстратор Данте Габриэль Россетти

Иллюстратор Люсьен Леви-Дюрмэ

Иллюстратор Джеймс Маршалл

Иллюстратор Кузьма Сергеевич Петров-Водкин

Иллюстратор Луи Буланже

Иллюстратор Руфин Гаврилович Судковский

Иллюстратор Гаэтано Превиати

Иллюстратор Алексей Кондратьевич Саврасов

Иллюстратор Уильям Блейк

© Татьяна Косенко, 2017

© Клод Лоррен, дизайн обложки, 2017

© Альбрехт Дюрер, иллюстрации, 2017

© Иван Константинович Айвазовский, иллюстрации, 2017

© Марианна Стокс, иллюстрации, 2017

© Илья Ефимович Репин, иллюстрации, 2017

© Виктор Михайлович Васнецов, иллюстрации, 2017

© Дмитрий Никифорович Мартынов, иллюстрации, 2017

© Данте Габриэль Россетти, иллюстрации, 2017

© Люсьен Леви-Дюрмэ, иллюстрации, 2017

© Джеймс Маршалл, иллюстрации, 2017

© Кузьма Сергеевич Петров-Водкин, иллюстрации, 2017

© Луи Буланже, иллюстрации, 2017

© Руфин Гаврилович Судковский, иллюстрации, 2017

© Гаэтано Превиати, иллюстрации, 2017

© Алексей Кондратьевич Саврасов, иллюстрации, 2017

© Уильям Блейк, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-3605-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Краткое предисловие

Одна из вечных тем литературы и искусства в целом – противостояние животворящего и разрушительного начал, исследование этих явлений и поиск ответов на извечные вопросы. Что есть я? Что есть окружающие меня тени и горячие, ускользающий лучи? Попыткой ответить (хотя бы для себя) на эти вопросы и является этот сборник.

При его написании я уделяла пристальное внимание темной стороне человеческих верований – сказаниям о потусторонних силах, незаслуженно забытым фактам и версиям, которые ныне считаются суевериями. Что, если легенды о великом маэстро Паганини имеют под собой основание? И первой сотворенной женщиной является вовсе не Ева, а ныне демонизированная Лилит?

Я не ставила своей целью написать второе «Евангелие от Дьявола» – хотя бы потому, что не обладаю должной компетенцией и опытом. «По ту сторону вечности» частично является продолжением булгаковской прозы и поэзии Ш. Бодлера, анализом образов нечистой силы в литературе – начиная от Мефистофеля И. Гёте и заканчивая мессиром Воландом Михаила Афанасьевича, приоткрытой завеса бездны и возможностью заглянуть в нее хотя бы на миг. Затем, чтобы вынести уроки. Ведь первое, чему мы должны научиться у мрака – это сохранять внутреннее спокойствие и свет,

освещающий, словно факел, тернистые тропинки. И первое, чему нам стоит усвоить у смерти – безусловную, неиссякаемую волю к жизни.

Я не могу назвать данную книгу моим выходом в мир писательства. Для меня она останется личным дневником, отпечатками следов и поисков, длившихся не один год. Проблема пера, желание приподнять вуаль декадентства? Возможно – увы, назвать меня полноправным писателем нельзя, ведь этот вид творчества – один из многих моих путей, который я вправе оставить, если посчитаю нужным. Неизменным остается одно – облачить суть в форму, ради чего, собственно, и задумывалась эта книга. «Я мыслю, следовательно, существую» для меня звучит как «я творю – следовательно, я жив!»

А. Дюрер – «Рыцарь, смерть и Дьявол»

Ваша покорная слуга,

Татьяна Косенко

По ту сторону света

И. К. Айвазовский – «Сотворение мира. Хаос»

Монолог смерти

Закройте глаза.

Я – то, чего вы инстинктивно избегаете, подобно тому, как зверь пугается вспышек голодного костра. То, чего вы боитесь, а значит, ненавидите. Зовете и гоните от себя, когда я неслышно прихожу в ваш дом и сажусь подле кровати. Когда касаюсь тонкими пальцами шелковистых прядей волос, нежных контуров плеч и хрупкой шеи, где едва заметно вздрагивает кромка сосуда. Мне ничего не стоит сжать горло несчастной барышне.

...На следующее утро от былой девичьей красоты не останется даже следа: глаза приобретут стеклянный блеск, а кожа покроется уродливым пятнами. Как жаль.

Marianne Stokes – «La Jeune fille et la Mort»

Я просто темнота. Чужая для вас. Непонятая, неправильная, неестественная – называйте меня как хотите. Я лишена ярлыков, к которым вы так привыкли за тысячи лет своего становления. Увы, многие из вас ни на йоту не приблизились к тому, что я есть на самом деле.

А ведь когда-то меня почитали наравне с теми, кого люди звали Богами. Что-то изменилось, и постепенно каждая низость списывалась на мой счет; мною прикрывались те, кто жаждал власти над себе подобными. Чтобы задобрить меня, они подносили кровь невинно убитых в серебряных пиалах,

возжигали благовония, сыпали долю своей мерзкой добычи на мои святилища. Думали, что это смягчит мой гнев.

Они и правда считали, что подкупят меня этими жертвоприношениями и горсткой разноцветных камней.

...Увы.

Люди становились алчными, трусливыми и глупыми. Слишком самовлюбленными и недостаточно честными, чтобы принять мои дары. А ведь у них были очень неплохие задатки и шансы.

...Этого юношу звали Ганс. Ученик из него выходил способным: охоч до знаний, пытлив умом и благороден сердцем. Насколько я помню, тот никогда не упускал случая заступиться за более слабого, пусть это и стоило ему привкусом крови во рту, отдающим скулящей болью. Многие взрослые удивлялись его начитанностью, тягой к познанию большего, чем дано остальным.

Ах, Ганс, я не узнаю тебя! Слишком гордый, горячий, однажды ты захотел еще большего уважения и почитания, что было тебе оказано ранее. Собрав кучку зевак, начал учить их тому, что когда-то добыл своим трудом. А что-то придумал сам, заведомо опасное. Подумал, что я, твоя наставница, не чета тебе. Как же...

Я вижу, ты носишь дорогие одежды и пафосную атрибутику... Но зачем? Разве эти забавные безделушки – проявление моей Силы?

О тебе говорят. О тебе пишут газеты, в твой салон сте-

кается народ, ищущий «волшебную палочку» от всех жизненных невзгод. Они платили деньги, хвалили твой талант и удивлялись парочкам фокусов, которые ты мог им показать, требовали зрелищ: еще, еще! Пожалуй, в их аплодисментах было больше искренности, чем в твоих поступках, мой дорогой Ганс.

Ведь мы оба знаем: на сцене ты всего лишь прекрасный актер и отпетый шарлатан с подвешенным языком. Позволь мне рассказать, что происходило за кулисами.

Со временем тебя начали мучить кошмары. Бархатистый голос сделался скрипучим, гибкое тело – сухим, как старое трухлявое дерево, руки – немymi и слабыми. Кажется, ты где-то допустил ошибку? Конечно ты знаешь, что бывает с предателями.

...Больше тебя не будут мучить кошмары. Совсем.

Темнота просто знает, кто ты. Она считывает твою личину; на ее раскрытой ладони – все то, чем ты живешь. Надежды. Мысли. Страхи. Подумай перед тем, как переступить черту. Правда, кого это еще остановило...

Видишь ту безумицу на паперти? Дорогая Гретхен была слишком уверена в своих силах, обратившись ко мне. Я дала ей то, на чем она так настаивала. Любопытство? Отнюдь. Жажда власти сыграла с ней нехорошую шутку: увидев чуть больше, чем надо, та тронулась рассудком и побежала отмаливать свои грехи.

На моей памяти – тысячи подобных историй. И спрос есть

со всякого, кто высказал свое желание. Это вовсе не те договоры, которые необходимо подписывать кровью. Каждая крупинка знаний достается вовсе не так легко, как многим хотелось бы; об этом не пишут в книгах, это не продается и уж тем более не покупается за деньги. Его надо заслужить, в конце концов выстрадать; а после этого уже и не столь важна власть над живыми существами, более того, это начинает быть пустым и смешным.

Вы хотите спросить, почему я забрала жизнь у той спящей девушки? Все очень просто. Ради наживы та умудрилась подлить яд в бокал с абсентом своему возлюбленному. Яд действует незаметно; только через несколько часов у жертвы останавливается дыхание.

По случайности та глупышка спутала рюмки и сама выпила отравленное зелье. Что ж, отличная плата за свою мелочность. Вот так охотник и становится добычей, ха-ха.

А пока... Просто закройте глаза.

2016 г.

Перед казнью

«Ничего не помню. Не помню, какой сегодня день и не знаю, что там, за глухими стенами – наверное, паленое лето, как и несколько месяцев назад. Или недель? Мне все равно.

Скоро меня казнят. Бунтарь есть бунтарь: нарушает порядок и терпит наказание. Черт меня дернул спорить с дебоширом! Кто ждал, что этот святоша напишет кляузу?

Благо я оставил несколько записок в потайном месте. Кто-то их найдет, я знаю. Поймет – я чувствую. И пусть тогда назовется обычным книжником и не лезет на рожон, как я...»

И. Е. Репин – «Отказ от исповеди»

Таковы были мысли Неладова, заключенного скомороха. Шутил удачно и, бывало, по-настоящему беззаботно – тогда гаер мог почувствовать себя настоящим. В остальное время он, закованный в маску, играл свою роль, этим и зарабатывал на кровные. Правда, наступает время, когда хлеба становится мало: однажды Неладов встретил батюшку с девицей легкого поведения, об этом сочинил анекдот на исповеди. Шутка оказалась недостаточно смешной.

...Вот и все, что осталось у арестанта: темное помещение и чашка мерзлой воды. Словно в насмешку, поодаль лежал кусок черствого хлеба. Сквозил холод, а там, на улице, хлестал ливень, точно заранее отпевал узника; он же проводит до эшафота. Тусклый свет разливался по камере, освещая засечки на стенах – должно быть, они сделаны прежними заключенными. В рисунке угадывались черты уставшего, некогда прекрасного человека. Чистый лик утратил мягкие черты и даже отталкивал – впрочем, Неладов не придавал этому значения. Скрестив руки, он смотрел на небо, свободное небо. На пепельном полотне художник провел широкую алую линию – близился рассвет, а вместе с ним и скорая гибель. Как в далекой юности, узник теперь снова мечтал о крыльях, так что ж – кандалы приковали к земле.

– Дело не в цепях. Может, вы сейчас даже и свободнее, чем раньше – маска вам не к лицу.

Стальной голос отвлек Неладова. Казалось, что он говорил где-то рядом, успокаивая и ободряя. В комнате никого не было, разве что сам Неладов и портрет из насечек. Арестант списал эту странность на обычный мандраж.

– Да, я тоже люблю шутить, особенно над теми, кто пытается обмануть себя. Впрочем, оставлю тебя – я ведь такой же. Стоит мне поставить человека перед зазорным фактом (конечно, о самом себе!), так тот пытается крепче зажмурить глаза. Да, чего не вытворяют люди, лишь бы прикрыть свою наготу – духовную, разумеется. Может, им стыдно? Гораздо

проще разорвать тех, кто стоит поперек горла, верно?

Из темноты послышались чеканные шаги. К Неладову вышел статный мужчина, напоминая фигуру на стене. Учтиво протянув крепкую руку, незнакомец поспешил представится:

– В простонародии – Шипов.

Заключенный исподлобья разглядывал своего товарища по несчастью. Вряд ли тот являлся знатным человеком, но взгляд Шипова – зеркало, отражавшее помыслы всякого, кто смотрел в его глаза. А Неладов все вглядывался, пытаясь найти ответ на свои вопросы, как тот путник в поиске родниковой воды. Ее пьют не ради потехи.

– Очень приятно, – тяжело произнес осужденный. – Вас тоже казнят?

– Не знаю, – пожал плечами собеседник. Никому до меня нет дела. А мне, наоборот, нравится наблюдать за здешними событиями. Незадолго до вас отсюда вышел отпетый душегуб... Да, мой друг, – тот похлопал узника по плечу, – ищущий человек пугает сильнее, чем всякий бунтарь или головорез. Убийца страшен тем, что может лишить жизни, неважно как – медленно или мучительно, а бунтарь – изменить устои, не затрагивая в корне сознание отдельного человека. При всей видимости власти над умами он не уничтожает старое, а только прячет его, бросает на него тень и не более того. Отсюда и мнение, что новое – как следует забытое старое, – вздохнул Шипов, вытирая рукой мокрый от пота

лоб. – В общем, простому мыслителю приходится несладко. Разве Вы считаете, что общественность потерпит обесценивания тех основ, на которых она возвращена? Например, принципа черного и белого, четкого разделения на тень и свет? Если я скажу, что в мире существует множество промежуточных оттенков и даже сам белый – просто сумма цветов, то в лучшем случае люди будут думать, что я веду речь о науке! Не замечая очевидного... – на этих словах он остановился, словно обдумывая сказанное и, слегка прихрамывая, подошел к окну. Нежно-карминовые лучи солнца окропляли ладони и медные волосы собеседника, неряшливо сбившихся в кудри. Прохладный ветер слегка касался его щек, но смутный образ оставался равнодушен: слабая улыбка выдавала спокойствие и отрешенность от действительности.

– Полуштоф водки? Для смелости... Да ты не бойся: казнят, затем обелиск поставят. Люди – они такие.

...Первые лучи рассвета рассеяли видение. Кто его союзник, давший последнюю надежду, Неладов не узнает при жизни. За дверью слышались тяжелые шаги. Мастер дел заплечных решительно открыл дверь.

2015 г.

Ваше вечное лето

Пожалуй, я начну с того, что умер. Хотя что можно понимать под смертью? Даже глядя на свои обугленные останки, съеденные костром инквизиции, я понимаю: есть кое-что пострашнее простой гибели.

Передо мной – мертвые лица. Целая городская площадь, если хотите. Ехидные маленькие глазки, зажмуренные от невесть откуда взявшегося июльского суховея, пронзали ненавистью мое искаленное тело: палачи постарались сломать мне несколько костей, точно высушенные ветки, якобы для того, чтобы выбить из меня покаяние. Ради смеха те вырезали шрамы под моими глазами и в таком виде отправили на костер. Они называли эту пытку «маской Пьеро». Смысл ее был не столько в том, чтобы принести физическое страдание жертве, сколько в глумлении над тем, кто до последнего стоял на своем. Ведь со стороны выглядело, что я... Плакал? Молился? Черт его знает. Спасибо, что не вырезали памятный рисунок на левом плече – оскал белого волка.

И вот я, на холме. Мелкие прихвостни, еще вчера поживавших мою руку, клали мне хворост под ноги, еле шевеля губами: «Боже, избави нас от лукавого...». Горожане негодовали: тела толстых женщин, мужчин и детей мялись в толпе, о чем-то перешептывались и в открытую возмущались; но, конечно, народа прибывало все больше и больше. Каж-

дому интересно посмотреть на казнь еретика. Каждый мог списать свой мерзкий грешок на того, кто вот-вот погибнет, едва надрывно пропоет набат.

Я старался не смотреть на них. Я глядел на небо, запекшееся алым, жадно глотал воздух ртом, закрывал глаза, потирал связанные руки за спиной и шипел от боли, трясущее все мое тело. Какая-то донна с криком бросила в меня камень, попавший в грудь. Мальчик кинул камушек, разбивший мне губу. Тонкая темно-бордовая струйка потекла по высохшим губам, слегка окропив шею.

Нехристь. Чертово отродье – вот, кем я оказался для них, таких правильных людей. Уж простите меня, святые, не оправдал надежд!

И все же это, наконец, случилось. Оглушительный звон колоколов вынес приговор, отсчитывая последние секунды: двенадцать, одиннадцать... Первые факела не долетели до моих онемевших ступней, разгораясь ближе к краям. Второй и третий попали точно в цель. Ввысь поднимался запах горячей крови и плоти: свежий, острый и влажный.

Я кричал, бился, пытался вырваться пут. Судорога. Еще одна. Ног я уже не чувствовал, как, впрочем, половины тела. Крики бесноватых, мой вопль, ненависть, страх – все смешалось в одно целое, усиливаясь и затухая.

Вот и кончилось все. Боль утихла, а последнее, что я увидел – дым, крылатый, напоминающих стаю огромных черных воронов, уносил меня куда-то ввысь.

Из зеркала на меня смотрела миловидная девушка лет девятнадцати. Небольшого роста, с выточенными, будто из мрамора, чертами лица, напоминающая если не ребенка, то наверняка нескладного подростка. У меня не было рыжих кудрей и зеленых глаз – вместо этого я каждый день расчесывала каштановую копну волос и умывала водой две серые дымки, две серые льдинки. Жаль, что моему телу не достает той физической силы, которой я обладала ранее; но появилась гибкость и звериная грация, то очарование, которого мне так не хватало.

Мне был дан второй шанс. Разумеется, я почти ничего не помнила из тех событий давностью в несколько столетий. Но все знают: незнание не освобождает от ответственности. История должна быть начата заново и достойно окончиться.

В. Васнецов – «Аленушка»

...Меня звали «волчонком». В куклы я не играла, платья не шила, тряпочных младенцев не кормила – я росла непослушным ребенком, единственной в своей семье. Я любила выбираться вместе со знакомыми мальчишками в болоти-

стую местность за дикой кислой клюквой; пропадала в лесу, собирала нежными руками зверобой и бессмертник, рвала жгучую крапиву. Звери не трогали меня. Чаше подходили, чтобы выпросить сладкий кусочек сахара, который я клала в передник, собираясь на прогулку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.